

Говард Филлипс Лавкрафт

Очень древний народ

(The Very Old Folk)

Четверг, 3 ноября 1927 года

Дорогой Мельмот!

Итак, ты всецело погрузился в изучение темного прошлого этого несносного юного азиата, Вария Авита Бассиана? Брр! Мало есть на свете людей, которых я ненавижу больше, чем эту маленькую отвратительную сирийскую крысу!

Сам же я перенесся во времена Древнего Рима благодаря недавнему чтению «Энеиды» Джеймса Родса — перевода, с которым я прежде не был знаком и который ближе к тому, что написал Публий Марон, чем большинство известных мне стихотворных переложений (включая неопубликованный перевод моего покойного дядюшки, доктора Кларка). Это «вергилианское» умонастроение, вкупе с призрачными фантазиями, обычными в канун Дня всех святых с его горными шабашами ведьм, породило в ночь на понедельник «римский» сон, который обладал такой невероятной ясностью и яркостью и таким огромным потенциалом скрытого ужаса, что я положительно намерен однажды использовать его в каком-нибудь своем сочинении. В юности мне часто являлись подобные сновидения — не раз и не два я целую ночь следовал за Божественным Юлием через всю Галлию в качестве военного трибуна, — но это, казалось бы, давно ушло с возрастом, и потому нынешний сон произвел на меня необыкновенно сильное впечатление.

Это было на исходе дня в часы, когда пламенеет закат, в маленьком провинциальном городке Помпело у подножия Пиренеев в Ближней Испании. Год, должно быть, относился к эпохе поздней республики, так как провинцией все еще управлял назначенный сенатом проконсул, а не императорский пропретор, а день, о котором идет речь, предшествовал ноябрьским календам. К северу от города вздымались горы, окрашенные в пурпур и золото; на грубо отесанные камни и свежую штукатурку строений вокруг пыльного форума и на деревянные стены цирка, возвышавшиеся чуть дальше к востоку, ложился таинственный красноватый свет клонившегося к западу солнца. Одолеваемые какой-то смутной, трудноопределимой тревогой, толпы горожан: широколобые колонисты-римляне, нечесанные уроженцы здешних мест и отпрыски смешанных браков, равным образом облаченные в дешевые шерстяные тоги, — а также немногочисленные легионеры в шлемах и чернобородые представители местного племени васконов в грубых плащах заполнили редкие мощеные улицы и форум.

Сам я только что сошел с носилок, на которых иллирийские носильщики — судя по всему, в изрядной спешке — доставили меня из Калагурриса, расположенного к югу отсюда, на другом берегу Ибера. Оказалось, что я — квестор провинции по имени Луций Целий Руф и что я вызван сюда проконсулом Публием Скрибонием Либоном, прибывшим несколько дней назад из Тарракона. Здесь также были солдаты пятой когорты Двенадцатого легиона, которым командовал

военный трибун Секстий Аселлий; кроме того, из Калагурриса, где находилась его постоянная резиденция, прибыл легат всего региона Гней Бальбуций.

Причиной собрания стал ужас, скрывавшийся в горах. Все население городка было перепугано и молило о прибытии когорты из Калагурриса. Стояла Ужасная Пора осени, когда дикие жители гор готовились совершить свои жуткие обряды, о которых горожане знали только по смутным слухам. Это был очень древний народ, обитавший высоко в горах и говоривший на отрывистом языке, которого васконы не понимали. Мало кому доводилось видеть этих людей, но несколько раз в год их маленькие желтые косоглазые посланцы, похожие на скифов, появлялись в городке и, оживленно жестикулируя, вели торг с купцами; ежегодно весной и осенью они предавались на горных вершинах мерзким ритуалам, и их вопли и жертвенные костры ввергали в ужас окрестные селения. Всякий раз это происходило в одно и то же время — в ночи перед майскими и ноябрьскими календами, и всякий раз этому предшествовали бесследные исчезновения кого-то из горожан. В то же время ходили слухи, будто местные пастухи и земледельцы отнюдь не питают вражды к очень древнему народу — неспроста многие крытые соломой хижины пустели в те ночи, когда в горах разыгрывались отвратительные шабашы.

В этом году ужас был особенно велик, так как люди знали, что очень древний народ разгневан на Помпело. Три месяца назад пятеро маленьких косоглазых торговцев спустились с гор, и в ходе драки, случившейся на рынке, трое из них были убиты. Двое других, не проронив ни слова, убрались восвояси — *и ни один поселенец не исчез в эту осень*. Подобное бездействие таило в себе угрозу. Как правило, шабашы, которые устраивал очень древний народ, не обходились без человеческих жертвоприношений, и нынешнее подозрительное затишье заставило поселенцев трепетать от страха.

Много ночей подряд в горах раздавалась гулкая барабанная дробь, и наконец эдил Тиберий Анней Стилпон (наполовину местный по крови) послал к Бальбуцию в Калагуррис за когортой, которая могла бы пресечь шабаш в грядущую ужасную ночь. Бальбуций без долгих размышлений отказался удовлетворить его просьбу под предлогом того, что страхи крестьян беспочвенны и что римскому народу нет никакого дела до омерзительных ритуалов обитателей гор, если они не угрожают его гражданам. Я же, хотя и был близким другом Бальбуция, заявил, что не согласен с его решением: я глубоко изучил темные запретные верования и был убежден, что очень древний народ способен наслать любую ужасную кару на городок, являвшийся, в конце концов, римским поселением, где проживало значительное число наших граждан. Мать просившего о помощи эдила, которую звали Гельвия, была чистокровной римлянкой, дочерью Марка Гельвия Цинны, прибывшего сюда с армией Сципиона. Исходя из этих соображений я послал раба — маленького быстрого грека по имени Антипатр — с письмом к проконсулу, и Скрибоний, внимательно рассмотрев мои доводы, приказал Бальбуцию отправить в Помпело пятую когорту под командованием Аселлия; вечером накануне ноябрьских календ ей предстояло углубиться в горы и пресечь любые мерзкие действия, какие там обнаружатся, а также захватить столько пленных, сколько можно будет доставить в Тарракон к ближайшему суду пропретора. Бальбуций, однако, подал протест, и, таким образом, обмен письмами продолжился. Я писал проконсулу столь часто, что он всерьез заинтересовался жуткими обстоятельствами этого дела и решил расследовать его самолично.

Наконец он отправился в Помпело вместе со своими ликторами и слугами; городок, полнившийся весьма впечатляющими и тревожными слухами, горячо поддерживал его приказ о пресечении шабаша. Желая посоветоваться с кем-либо, кто знал суть происходящего, проконсул приказал мне сопровождать когорту Аселлия. Бальбуций присоединился к походу и стремился своими советами противостоять задуманному предприятию: он искренне полагал, что

решительные военные действия послужат причиной опасных волнений среди васконов — и варваров-кочевников, и тех, кто вел оседлую жизнь.

Так мы все и оказались здесь, в этих осенних горах, освещенных таинственными закатными лучами, — старый Скрибоний Либон в тоге-претексте, с сияющей лысой головой, на которой играли золотые блики, и морщинистым ястребиным лицом; Бальбуций в сверкающем шлеме и нагруднике, выбритый до синевы и с плотно сжатыми губами, выдававшими откровенное и упорное несогласие; молодой Аселлий в отполированных наголенниках и с высокомерной усмешкой на лице, а также любопытное смешение горожан, легионеров, местных варваров, крестьян, ликторов, рабов и слуг. Я был облачен в обычную тогу и не имел при себе никаких знаков отличия. И повсюду вокруг был разлит гнетущий ужас. Городской и сельский люд едва осмеливался говорить вслух, а люди из окружения Либона, проведенные в здешних местах около недели, похоже, уже успели заразиться безымянным страхом. Сам старый Скрибоний выглядел необыкновенно мрачным, и громкие звуки голосов тех, кто прибыл позднее, казались странно неуместными, словно мы находились на месте чьей-то смерти или в храме некоего неведомого бога.

Мы вошли в преторий, и между нами начался нелегкий разговор. Бальбуций настойчиво повторил свои возражения, и его поддержал Аселлий, который, по-видимому, относился ко всем уроженцам этих мест с крайним презрением, но вместе с тем считал неразумным их будоражить. Оба военачальника утверждали, что бездействовать к неудовольствию меньшей части населения, состоящей из колонистов и цивилизованных аборигенов, менее рискованно, чем, искореняя жуткие ритуалы, вызвать гнев большинства, а именно варваров и крестьян. Я же, в свою очередь, повторил, что необходимо действовать, и выразил готовность сопровождать когорту в любом походе, который она предпримет. Я указал на то, что васконы-варвары, мягко говоря, непокорны и ненадежны, и потому, какую бы тактику мы сейчас ни избрали, стычки с ними — всего лишь вопрос времени; что в прошлом они не выказали себя опасными для наших легионов противниками и что было бы недостойно представителей римского народа позволить варварам нарушать порядок, которого требуют правосудие и престиж Республики. С другой стороны, успешное управление провинцией зависит в первую очередь от безопасности и доброго расположения цивилизованной части общества, людей, чьими стараниями развивается торговля и обеспечивается процветание и в чьих венах — немалая доля нашей италийской крови. Хотя эти люди, возможно, и составляют меньшинство населения, они являются надежным элементом, на чью верность можно положиться и чье содействие прочнее всего подчинит провинцию власти Сената и римского народа. Должно и полезно предоставить им защиту, которая полагается римским гражданам, предприняв для этого (тут я бросил саркастический взгляд на Бальбуция и Аселлия) некоторые старания и хлопоты, а также ненадолго прекратив попойки и петушиные бои в лагере, разбитом в Калагуррисе. В том, что Помпело и его жителям угрожает реальная опасность, меня убеждали проведенные мною исследования. Я прочел множество свитков из Сирии, Египта и таинственных городов Этрурии и долго беседовал с кровожадным жрецом Дианы Арицийской в лесном святилище на берегу озера Неми. Во время шабашей в горах могли разыгрываться жуткие сцены, которым было не место во владениях римского народа; и попустительство известного рода оргиям, обычно сопровождающим эти шабаша, мало соответствовало обычаям тех, чьи предки при консуле Аулии Постумии казнили множество римских граждан, предававшихся вакханалиям (память об этом запечатлело специальное постановление сената, выгравированное в бронзе и доступное ныне взору каждого). Застигнутый в должное время, прежде чем ритуалы пробудят к жизни нечто, способное противостоять железу римского пилума, шабаш мог быть остановлен силами одной когорты. Требовалось лишь взять под стражу непосредственных его участников, не трогая при этом многочисленных зрителей, что значительно пригасило бы недовольство симпатизировавших шабашу поселян. Словом, как долг, так и целесообразность требовали

решительных действий, и я готовился выступить в поход, ибо не сомневался, что Публий Скрибоний, памятуя о достоинстве и обязательствах римского народа, отправит когорту в горы — в согласии со своим планом и вопреки настойчиво повторяемым протестам Бальбуция и Аселлия, чьи речи подобали скорее провинциалам, нежели римлянам.

Закатное солнце стояло уже очень низко, и весь городок, погруженный в безмолвие, казалось, был окутан таинственными и губительными чарами. Проконсул Публий Скрибоний наконец одобрил мои предложения и временно включил меня в состав когорты, наделив полномочиями старшего центуриона; Бальбуций и Аселлий выразили свое согласие — первый более учтиво, нежели последний. Когда на дикие осенние склоны спустились сумерки, издалека стала доноситься размеренная и жуткая дробь неведомых барабанов. Несколько легионеров выказали робость, но резкие слова приказа вернули их в строй, и вскоре вся когорта выстроилась на открытой равнине к востоку от цирка. Либон, так же как и Бальбуций, решил лично сопровождать когорту; однако оказалось чрезвычайно трудно найти среди местных жителей того, кто смог бы показать дорогу в горы. В конце концов юноша по имени Верцеллий, чистокровный римлянин, согласился провести нас хотя бы через предгорья.

Мы выступили походным строем в сгущавшихся сумерках; над лесами слева от нас дрожал тонкий серебряный серп молодой луны. Больше всего нас беспокоило то, что *шабаш все еще продолжался*. Слухи о прибытии в город когорты, вероятно, достигли гор, и даже неясность наших дальнейших намерений не могла сделать их менее тревожными — однако барабаны по-прежнему выбивали зловещую дробь, как будто участники действия по каким-то причинам оставались безразличны к тому, идут на них маршем силы римского народа или нет. Гул усилился, когда мы достигли ущелья с уходившей вверх тропой; нас с двух сторон обступили крутые лесистые склоны, стволы деревьев в колеблющемся свете наших факелов приобрели странно-причудливый вид.

Все передвигались пешком, кроме Либона, Бальбуция, Аселлия, двух-трех центурионов и меня; наконец тропа стала такой крутой и узкой, что всадникам пришлось спешиться, и группе из десяти человек было приказано стеречь лошадей, хотя едва ли какие-нибудь грабители могли объявиться здесь в такую страшную ночь. Временами нам казалось, будто по лесу невдалеке от нас крадется чья-то фигура; после получасового подъема продвижение когорты, насчитывавшей более трехсот человек, оказалось крайне затруднено из-за чрезмерной крутизны и узости тропы. И вдруг из леса, оставшегося позади, до нас донесся ужасающий звук. Его издавали привязанные лошади — они *визжали...* не ржали, а именно *визжали...* и ни одного огонька, ни единого звука человеческого голоса, которые могли бы объяснить происходившее внизу. В тот же миг на расположенных впереди горных вершинах вспыхнули костры, и стало казаться, что ужас подстерегает нас с обеих сторон.

Поискав юного Верцеллия, нашего провожатого, мы нашли лишь съжившуюся массу, утопавшую в луже крови. В руке проводника был зажат короткий меч, сорванный с пояса подцентуриона Децима Вибулана, а на лице его застыло выражение такого ужаса, что самые отважные ветераны, увидев его, побледнели. Он убил себя, услышав визг лошадей... он, родившийся и выросший в здешних краях и знавший, какие слухи ходят про эти горы. Тотчас один за другим начали гаснуть факелы, крики перепуганных легионеров сливались с непрерывным визгом привязанных внизу лошадей. Воздух сделался ощутимо прохладнее — стремительнее, чем это бывает в начале ноября, — и словно задрожал от ужасных волн, порожденных биением громадных крыльев.

Вся когорта пребывала теперь в бездействии, и в угасавшем свете факелов я увидел то, что показалось мне фантастическими тенями, которые очертил в небе призрачный свет Млечного Пути, когда они скользили на фоне Персея, Кассиопеи, Цефея и Лебедя. Затем с неба внезапно

исчезли все звезды — даже яркие Денеб и Вега впереди и одинокие Альтаир и Фомальгаут позади нас. А когда окончательно потухли факелы, над потрясенной и пронзительно кричавшей когортой остались видны только тлетворные и жуткие жертвенные костры, полыхавшие на горных вершинах; в их адском алом свете начали вырисовываться силуэты огромных, неистово скачущих безымянных тварей, о которых умалчивают даже самые фантастические из тайных сказаний фригийских жрецов и кампанийских старух.

Достигнув предела громкости, дьявольская барабанная дробь перекрыла слившиеся в ночи крики людей и лошадей, а пронизывающий, холодный как лед ветер с жуткой неторопливостью скользнул вниз с заповедных высот и стал поочередно овеать каждого воина, пока вся когорта не забила с криком в темноте, как живая иллюстрация судьбы Лаокоона и его сыновей. Только старый Скрибоний Либон выглядел покорившимся судьбе. Посреди всеобщего крика он произнес несколько слов, которые до сих пор отдаются эхом в моих ушах: «*Malitia vetus: malitia vetus est... venit... tandem venit...*»

А затем я проснулся. Это был самый яркий из всех виденных мною за долгие годы снов, явившийся из тайников подсознания, которые длительное время пребывали в забвении и неприкосновенности. О судьбе той когорты никаких сведений не сохранилось, но известно, что по крайней мере город был спасен — энциклопедии свидетельствуют, что Помпело существует и поныне, под современным испанским именем Памплона.

Остаюсь к услугам Вашего готического превосходительства,

Гай Юлий Вер Максимин

*Перевод: Сергей Антонов
2010 год*